Глава 103: Благородный наложник. Почти

— Цинцин, — неторопливо сказал Ван Хун, — как только видишь меня, ты едва сдерживаешь слезы, если другие увидят тебя таким...

Рука Чэнь Жун замер у двери прежде, чем он смог закончить то, что говорил.

Он тоже обдумал этот момент, но совершенно забылся из-за гнева, вызванного провокацией Ван Хуна.

Он убрал руку, повернулся и посмотрел на него.

Встретив его удручающую улыбку, Чэнь Жун сделал шаг вперед и снова приставил к его горлу рукоять кнута.

На этот раз его усилие заставило его поднять голову.

Он уставился на него, и приказал, понизив голос:

— Ван Хун, я хочу, чтобы ты нашел любой предлог, чтобы мы могли рассориться.

Улыбка на его лице оставалась такой же удручающей, как и раньше. Чэнь Жун поднял рукоятку кнута. В тот же миг грубая оплетка рукояти нанесла ему небольшой порез на горле.

При виде алой капли Чэнь Жун смягчился и убрал хлыст.

Ван Хун молча на него уставился.

В его глазах имелось нечто странное, что делало его почему-то необъяснимо виноватым. Чэнь Жун опустил глаза, чтобы избежать его взгляда, и пробормотал:

—Ты все равно не можешь жениться на мне. — Это было отличным оправданием и мотивацией его поведения.

Ван Хун глубоко вздохнул.

Взмахнув широкими рукавами, он медленно удалился.

В мгновение ока его рука ухватилась за дверь.

Остановившись, он оглянуться на Чэнь Жуна, ошеломленно наблюдавшего за ним. Они стояли лицом к лицу, печаль затаилась в его ясных и величественных глазах. Кто знает, о чем он думал. Гадать можно было бесконечно. Одной из наипервейшей наук аристократов было умение «держать лицо».

Эта печаль была очень легкой и скоротечной, но почему-то А Жун ощущал вину, когда видел подобный взгляд. Он приоткрыл свои розовые губы, инстинктивно желая утешить его. Но когда слова достигли уст, он подумал, что возврата не будет, если он продолжит тянуть с этим, поэтому он повернулся к нему спиной.

Прозвучал медленный вздох.

В спальне, очень нежный, очень мягкий, и очень печальный голос сказал ему:

— Я предполагаю, А Жун разлюбил меня после всего…

Он казался несчастным и печальным, как будто сам факт того, что Чэнь Жун не любил его, причинял безутешное горе.

Чэнь Жун прекрасно знал, что человек за его спиной достаточно умен, чтобы понять его намерения. И все же он все еще прошептал в ответ:

— Нет, я чувствую что-что к тебе… но чувство к тебе выведет меня за пределы спасения!-

Писк петель. Дверь отворилась, и вскоре его высокая белоснежная фигура удалялась от него все дальше и дальше.

По какой-то причине, прислушиваясь к удаляющимся шагам, Чэнь Жун обернулся, и беспомощно сжав губы, посмотрел ему вслед.

Как только Ван Хун вышел из комнаты, весь двор – шуух- обернулся и уставился на него.

Одетый в белое, он напоминал дерево на ветру. Его улыбка была такой далекой и едва обозначенной.

Он сохранил улыбку на лице, взмахнул широкими рукавами и неторопливо пошел прочь.

Не успел никто опомниться, как тот сел в повозку, забрал слуг и покинул двор.

Взглянув на толпу, наблюдающую за его отъездом, у Чень Жуна было неприятное чувство, что что-то не так.

Когда Матушка Пинь поспешила к нему, то вдруг услышала, как Чэнь Жун тихо ругнулся:

—Черт возьми! Он ничего не сказал! Я же хотел, чтобы он прекратил наши отношения!

Ошеломленная, Матушка Пин быстро закрыла дверь и бросилась к нему, увидев следы слез на его лице.

Она обратила внимание на руки Чэнь Жуна и осторожно спросила:

—Господин, что-то не так?

Оцепеневший, Чэнь Жун повернулся и увидел Матушку Пинь. Он ещё более сжал губы, но внезапно по-детски разрыдался. Как же его радолбали все эти игры и интриги! Но подобного не поймут-с.Тут этим живут и дышат, такой менталитет. Каазалось бы он – сама серость и скромность… вот что занесло его в компанию наследных князей и генералов??? Чтоб им…всем…уууу жить не дают, шагу не ступить, чтоб на кого-нибудь не наткнуться…в чьи-то интересы не вляпаться… с размаху.

Он бросился в объятия Матушки Пинь, беспомощно вцепился в ее рукава и зарыдал:

— Матушка, я не желаю связываться с ним. Я не желаю даже видеть этого мужчину!

Видя, что он задыхается от слез, Матушка Пинь обеспокоенно похлопала его по спине и спросила:

—Ты говоришь о Ван Ци?

Всхлипывая, Чэнь Жун кивнул:

— Да, его. Я совершенно не понимаю этого человека. И у него такое благородное происхождение. Матушка, я и правда не хочу ничего иметь с ним общего.

В этот момент душевный плач Чэнь Жуна смягчился. Он медленно оставил объятия кормилицы, опустил голову, вытер слезы, и пробормотал:

— Когда я услышал, как он со вздохом сказал, что я его разлюбил, у меня так сильно заболело в груди, что я больше не мог сдерживать слез.Ах!

Он картинно прижал руку к груди, посмотрел вперед и прошептал:

— Сунь Янь был прав. Такие люди, как я, не могут любить, но и не могут терять… однажды я

проиграл, и я отказываюсь вновь переживать все эти сопли с сахаром!

Его голос являлся очень тихим, слова — непонятными.

— Что Вы сказали, господин? Я Вас не расслышала,— переспросила кормилица.

Конечно, Чэнь Жун не объяснял. Она вышел, повесил хлыст на стену, и некоторое время тихо сидел на диване, обдумывая линию своего поведения в дальнейшем.

Наконец раздался стук в дверь, и в комнату вбежала группа молодых людей обоего пола.

Девицы тут же начали щебетать, увидев Чэнь Жуна, рассеянно там сидевшего, юнцы его возраста дули губы и всячески показывали свою значимость, но в речи не лезли, больше слушая и изображая солидность. Такое откровенное детство…Понятно, что их послали с целью сбора информации. И они толком еще не въехали как себя вести в этом обществе. С одной стороны - столько девчонок, с другой - они им ни на фиг не сдались, пока рядом этот Чэнь Жун, весь такой отстраненный, такой хрупкий и невообразимо прекрасный. Девицы немедленно переглянулись и дружно поджали губы.

— А Жун, зачем это Ван Цилан приходил к тебе?

— А Жун, ты ради него ездил в Мо’ян?

— А Жун, я тоже восхищаюсь Циланом, но я не столь хороша, как ты. Я бы никогда не хотела умереть ради него. Ах-ах.

— …

Шквал шумных вопросов едва не перевернул крышу.

Чэнь Жун посмотрел на этих девушек, затем медленно схватил себя за лоб. Он закрыл глаза и с головной болью подумал: "Он не только не разорвал наши отношения, но и вывернул все в свою пользу… что мне делать?" Он никогда не оказывался в подобной тупой слюнявой ситуации. Все же юное тело с неуравновешенными гормонами, плюс персональные закидоны омеги, в принципе существа андрогинного. Магия заставляла искать защиту и покровителя. Делая все, чтобы ее подопечный выглядел соблазнительно и желанно в глазах потенциальных защитников… причем, по мере развития его собственного потенциала, запросы у магии становились все выше… Имея такие исходные стартовые параметры, трудно разыгрывать свою независимую линию.

Встретив вопрошающие взгляды девушек, Чэнь Жун поднялся.

Посмотрев на них, он покачал головой и хрипловато сказал:

— Нет, это было не из-за любви, он приходил из благодарности.

Чэнь Цянь вызывающе расхохоталась, уперев руки в бока, словно торговка на рынке.

— О, пожалуйста, у тебя на лице все еще видны следы слёз. Как только он появляется, ты отвлекаешься от всякой радости. Как ты можешь говорить, что это не из-за любви?

— Боюсь, даже Дом Ван в Лан’я будет встревожен действиями А Жуна, — мягко вмешалась другая нюй-ши Чэнь, обладавшая более мягким нравом. — Возможно, они подумают и воспользуются свадебной церемонией, чтобы принять его в свою семью в качестве благородного наложника.*

[□□ Почетная наложница/ наложник на ступень выше обычных наложниц. □□□□ Свадебная церемония, имеется в виду формальная (как приснилась Чэнь Жуну), а настоящая церемония выполняется, чтобы жениться на жене, а не наложнице/ке.У почетного наложника/ цы - будет собственное приданое и брачный договор.]

Учитывая статус Чэнь Жуна, это была величайшая честь, которой тот мог наслаждаться!

Таким образом, девушки замерли, ожидая его ответы.

— Приветствовать его в семье свадебной церемонией? — задумчиво пробормотала, наконец, Чэнь Цянь. Она посмотрела на Чэнь Жуна; впервые в ее глазах появилась зависть.

Несмотря на то, что она являлась законной дочерью дома Чэнь в Нань’яне, она могла стать только почетной наложницей Ван Цилана, самое большее. Фактически недосягаемое. Ведь Ван Цилан наследник Дома Ван – в прошлом королевского, ныне княжеского. По слухам одаренный, гений уже сдавший экзамен, в свои –то годы, невероятно красивый и такой учтивый.. ах!!!! Впервые девушка прикинула, что юношей теперь тоже надо учитывать как конкурентов на брачном рынке.И рыскнула глазами по сторонам, тут же успкоившись. Нет, все же остальные – не Чэнь Жун…так… мелкая рыбешка. и облегченно вздохнула своим выводам

Чэнь Жун посмотрел в завистливые, чего-то ожидающие глаза девушек и не только.

Он выдавил самую жалобную улыбку на свое лицо и твердо произнес:

—Как я говорил, я делал это не для него, я делал это из благодарности.

Конечно, никто его более не слушал. остальное они уже все придумали сами.

Чэнь Жун вздохнул и добавил:

—Что за семья дома Ван в Лан’я? Я никогда до них не доберусь, — он удрученно покачал

головой.

Затем он махнул рукавами и обреченно произнес:

— Пожалуйста, уходите, сестры. Я на самом деле устал и хочу отдохнуть.

Не дожидаясь их реакции, он улегся, не снимая одежды и обуви, и повернулся к гостям спиной.

Девушки проигнорировали его просьбу и продолжили болтать, они все тут были по праву родни. Юноши хмурили брови и поглядывали на двери. Ясно, что больше они ничего не услышат. Все они начали уходить только через полчаса.

Едва они ушли, как с улицы хлынул поток экипажей. На этот раз молодые люди постарше из разных кланов посылали свои приглашения к двери Чэнь Жуна, приглашая его на зимние банкеты, поэтические встречи, соревнования по цитре и тому подобное.

Он отклонил их все.

Волшебная пудра произвела сенсацию.

Её жаждали приобрести не только женщины, но и мужчины. Все хотели иметь сияющую кожу.

Так что весь запас был распродан за несколько часов. После ночных приемов все хотели иметь лицо. Но такое было подвластно только богам и волшебной пудре. Хорошо, что они не знали про кисть.

Тот же благородный Ван И заказал аж десять коробочек. Ага, для всех родственниц и наложниц. Многие пытались так или иначе вызнать имя того мастера, кто изготавливал все эти чудесные средства красоты. Девушки в лавке отговаривались монастырскими составами, присылаемыми с оказией из горного монастыря, которые уже они приспособили под косметические нужды.

Почти все содержимое лавки выгребалось за пару суток под ноль. Примерно то же было и в лавке пилюль и особенно коснулось конфет, и в лавке амулетов - там спрос никогда не ослабевал, на некоторые амулеты-печати даже была очередь. И неизменно пользовались спросом обогреватели-жаровни, к которым добавился эффект ароматов. По их принципу были изготовлены и нагреватели воды для фурако. Но там артефакт был сложнее, камень более плоским, чтобы удобно ложился на дно емкости, и было ограничение воздействия – когда вода нагревалась до определенной температуры, воздействие прекращалось. Соотвественно, под разные вкусы было три температуры: чуть теплый, погорячее и горячий. Плюс эффект пузырьков и очистки воды. Дорого, но за ними была очередь. Немного спокойнее было в лавке готовой одежды. Но исключительно потому, что там были довольно высокие цены. Но и там

уже были свои постоянные клиенты, которые за это время проверили товар в деле. Появились первые проданные полностью расшитые рунами ханьфу и поддоспешники. А они были весьма и весьма недешевы.

Теперь, имея плавильню, Женя собирался, наконец, заняться тем, к чему у него было настоящее призвание – оружием и защитой. А потому всерьез в ночь занимался изучением подаренного свитка. С такой артефактной плавильней ему никогда не приходилось иметь дело, он о таких артефактах только слышал, они в будущем стали невероятно дороги, начиная с того, что их делали из метеоритного «звездного» железа, того, что принес с собой «звездный дождь». И, заканчивая тем необъяснимым фактом, что по мере работы с плавильнями и котлами магов, они накапливали свою силу. А потому передавались только по наследству. От отца к сыну или от мастера к ученику. Порой подвергаясь модификациям, а порой оставаясь в первозданном виде.

В нынешние времена подобные редкости еще можно было найти, поскольку смута и войны, постоянно, словно штормом выбрасывали подобные диковины в мир. Но уже совсем скоро все это осядет в хранах родов, кланов, орденов, сект, монастырей-школ. Но пока еще и сами маги были сказочной диковиной. О которой передавали рассказы, порой пользовались их изделиями, но толком принять не могли относительно непосредственно себя. Те одаренные, что рождались среди простых людей, оседали исключительно в монастырях, если доживали до самостоятельности. Но уже вот-вот их начнут вылавливать и выбирать из человеческого моря, словно драгоценные камни в отвалах породы многочисленные эмиссары аристократов, орденов и монастырей.

Он достаточно потратил днем нервов и актерского таланта, кажется, даже Ван Хун ему поверил. Что говорить об остальных. Не сказать, что подростка было просто отыгрывать, но и многое такому юному пока что прощалось и считалось естественным, к тому же порой юное тело ощутимо на него влияло, и даже если он некоторые реакции находил глупыми, но сделать с этим ничего не мог… Слезы он научился вызывать едва ли по первому желанию, это было легко в таком возрасте. Глаза тут же наполнялись прозрачной влагой и хрустальные капли висели на длинных мокрых ресницах…Черт, противно, но действенно в случае влияния на окружающих.

А уже завтра к нему придут учителя, нанятые, в смысле приглашенные старым Шеном. Даже если ему суждено заключить однополый союз, то он, по крайней мере, будет равным.

-oOo-

На следующее утро, когда он только закончил приводить себя в порядок, вошла служанка:

— А Жун дома? Ши-фу спрашивает о нем.

Чэнь Юань хочет его видеть?

Чэнь Жун вскочил на ноги и, невольно прижав руку к груди, спокойно ответил:

— Дайте мне минуту.

Он повернулся, бросился в спальню и схватил хлыст.

Тем не менее, коснувшись рукояти, он вздохнул, и медленно убрал руку. Вместо этого он достал из ящика золотую шпильку с жалом, воткнул ее в пучок Цзы и вышел за дверь.

Увидев это, горничная, приехавшая с ним из Пинга, подошла с реверансом:

— Господин?

Она бросила на него взгляд, спрашивавший, должна ли она пойти с ним или нет. Матушка Пинь с раннего утра ходила со Старым Шеном по магазинам, так что эта служанка была единственной, кто сейчас находился рядом с Чэнь Жуном.

Чэнь Жун покачал головой. Сжав губы в линию, он последовал за другими наружу.

Была зима, и даже солнце на небе казалось промокшим и холодным. Чэнь Жун посмотрел из повозки на окружающие голые деревья и тихо подумал: «Через два месяца настанет весна – это неминуемо».

Пока он осматривался, слуга подал голос, сообщив ему:

— Пожалуйста, входите, господин. Ши-фу внутри.

Чэнь Жун очнулся и увидел, что прибыл во двор Дамы Жуань.

Он медленно вошел.

Дама Ли стояла снаружи. Когда она увидела входящего Чэнь Жуна, она долго смотрела на него, прежде чем сообщить людям внутри.

Вскоре Чэнь Жун добрался до ступенек. Он преклонил колени, опустил голову и тихо произнес:

— Приветствую, дядя, тетя.

Голос Дамы Ли (а может, Дамы Жуань?) ответил:

— А Жун? Входи.

— Да.

Чэнь Жун поднял голову, глубоко вздохнул и вышел на лестницу.

Внутри, Чэнь Юань сидел на месте хозяина, в то время как Дама Жуань сидела рядом с ним. Точно императорская чета. Важные и замершие в благородных статичных позах.

Чэнь Жун взглянул и заметил, что кроме слуг, стоящих вокруг, больше никого не было, даже Чэнь Вэй.

Он отвел взгляд, церемонно, согласно этикету и традиции поздоровался с Чэнь Юанем и дамой Жуань и, склонив голову, спросил об их здоровье.

Чэнь Юань оценивающе посмотрел на него со своего места. Увидев, его церемонии, он кивнул, и указал на место справа, мягко сказав:

— Присаживайся, А Жун.

— Благодарю, дядя.

Чэнь Жун покорно поклонился и подошел к своему месту.

Чэнь Юань отвел оценивающий взгляд и откашлялся, чтобы спросить:

— А Жун, ты ездил в Мо’ян?

— Да.

— Расскажи мне все, что происходило.

— Да.

Чэнь Жун опустил голову и повторил то, что рассказал Чэнь Гонжану. Краткую версию.

Чэнь Юань усмехнулся, как только он закончил.

К тому времени, как Дама Ли разразилась хохотом, он еще не произнес ни слова.

—Забавно. Ты мальчик, за какую благодарность ты должен отдавать свою жизнь? Не принимай

нас всех за дураков!

Она уставилась на Чэнь Жуна, повысила свой пронзительный голос и потребовала:

— На то должны быть причины. Рассказывай сейчас же!

Чэнь Жун встал со своего места, упал на колени, склонил голову и твердо произнес:

— Нет, их нет.

Дама Ли фыркнула.

Пока та смеялась, Дама Жуань покачала головой, тихо сказав:

— А Жун, мы все переживаем за семью. Почему ты что-то скрываешь от старших?

Чэнь Жун замер. Он посмотрел на Даму Жуань и удивленно спросил:

— Скрываю? Что бы я хотел скрыть?

Дама Жуань улыбнулась. Прежде чем та успела заговорить, Дама Ли со смехом спросила:

— Что же ещё? Ты, должно быть, давно с ним в любовных отношениях. Тебе некуда было скрыться, и ты сбежал, чтобы умереть вместе с ним.

Ее голос снова стал резким, когда она решительно подвела итог, спросив:

— Ну, разве не так?

Чэнь Жун был сбит с толку, прежде чем искренне рассмеяться.её бы воля она бы его и беременным объявила. С такой-то убежденностью в своей правоте!

Не смотря на Даму Ли, он повернулся к Даме Жуан и легко сказал,

— Довольно легко узнать, девственен я или нет. Если вы мне не верите, тетя, пожалуйста, проверьте. Врач это определит сразу.

Мальчик действительно бесстыдно на самом деле просил других интимно осмотреть свое тело.

Пока Дама Жуань испытывала приступ сердцебиения, Дама Ли пронзительно закричала указуя на него острой драгоценной накладкой на ногте:

— Бесстыжий!

Чэнь Жун чуть не рассмеялся вслух, услышав ее претензии: "они могут свободно обижать меня, но когда я хочу использовать факты, чтобы защитить себя, они называют меня бесстыжим".

Какая странная концепция.

Чэнь Жун проигнорировал ту и посмотрел на Даму Жуань с той же ясностью и убежденностью.

Дама Жуань повернулась к Чэнь Юаню.

В это время Чэнь Юань прочистил горло и пожаловался:

— А Жун, ты молодой мастер дворянского дома, но у тебя есть мужество умереть за любовь. Это довольно невероятно, действительно. Однако ...— мрачно продолжал он,— Ты не только скрыл это от старших, но и обманывал нас. Если бы правда не выплыла наружу, я бы ничего не узнал. Думаю, теперь ты эксперт во лжи.

Опустивший взгляд Чэнь Жун, подождал, пока тот закончит, и ответил:

— Мне стыдно.

Он сказал, что ему стыдно, но где это отразилось на его лице? Чэнь Юань разочарованно покачал головой.

Он снова вздохнул; затем, наклонившись вперед и глядя на Чэнь Жуна, он медленно сказал:

— А Жун, ты любишь Ван Цилана достаточно, чтобы быть готовым умереть за него. Такая любовь достаточно сильна, чтобы сдвинуть Небеса и Землю.

Ласково улыбнувшись чему-то, он погладил бороду.

— Я пригласил тебя передать, что послал предложение о браке в поместье Ван.

Чэнь Жун вскинул голову.

Чэнь Юань блаженно улыбнулся, получив его внимание.

— К счастью, Ван И из ветви Лан’я тоже здесь, в Нань’яне. Я попросил своих людей рассказать ему о твоей истории, чтобы клан Ван мог использовать свадебную церемонию, чтобы привести тебя в свою семью в качестве благородного наложника.

В этот момент он с гордостью посмотрел на Чэнь Жуна, как будто являлся благодетелем, оказавшим ему услугу.

— А Жун, учитывая твое происхождение, это благословение нескольких жизней — достичь высот Дома Ван из Лан’я. После того, как ты присоединишься к дому Ван Хуна, я уверен, что ты отправишься в Цзянькан с ним. К тому времени тебе нужно будет соблюдать добродетели замужнего младшего и вести себя прилично; ты не должен оскорблять людей в поместье Ван. Но ты можешь быть уверен, что твой третий брат и я будем тебе помогать. Что бы ни случилось, знай, что мы на твоей стороне!

Он вдруг вздохнул и пробормотал:

— Ван Хун в настоящее время не имеет ни жены, ни наложниц. Разве не было бы здорово, если бы твоя доверенная служанка могла зачать его ребенка и родить на твои колени? Он будет первенцем Лан’я Ван Ци! Ведь у тебя есть достойные и преданные служанки? Впрочем, о чем я, их много у моей супруги, мы легко выберем достойную.

Без сомнений, даже личность служанки для такой цели уже была продумана. Не будь он мужчиной, его бы осеменили насильно.

Глаза Чэнь Жуна наполнились тоской. Казалось, что отношение Чэнь Жуна, его осуждение со стороны мира или неспособность впоследствии жить достойно в поместье Ван имели для Чэнь Юаня мало значения; а если бы у него имелся ребенок, он мог получить больше и больше от Дома Ван Лан’я. Быть самостоятельным вассалом Дома Ван - совсем не то же самое, что быть младшей ветвью Чэнь!

http://tl.rulate.ru/book/1285/36153